

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 2, pp. 292–309, 2022
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 394
DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-292-309

Административно-правовой режим и повседневная жизнь спецпереселенцев-калмыков в 1944–1945 гг. в официальных документах и воспоминаниях очевидцев

Александр Егорович Епифанов^{1,2}, Евгений Федорович Кринко³

¹ Московский городской педагогический университет (д. 16, стр. 10, ул. Новокузнецкая, 119017
Москва, Российская Федерация)

² Научно-исследовательский центр Академии управления Министерства внутренних дел России
(д. 8, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 125171 Москва, Российская Федерация)
доктор юридических наук, профессор

0000-0002-5686-5770. E-mail: mvd_djaty@mail.ru

³ Южный научный центр Российской академии наук (д. 41, пр. Чехова, 344006 Ростов-на-Дону,
Российская Федерация)

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-3008-5626. E-mail: krinkoef@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2022

© Епифанов А. Е., Кринко Е. Ф., 2022

Аннотация. Введение. Принудительное выселение во время Великой Отечественной войны — одна из самых трагических страниц истории калмыцкого народа. Несмотря на многочисленные публикации по данной теме, история калмыцкой ссылки продолжает вызывать исследовательский интерес. Цель статьи — проанализировать административно-правовой режим и повседневную жизнь калмыков-спецпереселенцев в 1944–1945 гг. *Материалы и методы.* Основу исследования составили два комплекса исторических источников: 1) официальные документы из фондов Министерства внутренних дел СССР и 4-го спецотдела Министерства внутренних дел СССР Государственного архива Российской Федерации; 2) источники личного происхождения — воспоминания бывших спецпереселенцев. Авторы опираются на системный и междисциплинарный подходы, используют историко-правовые и историко-антропологические методы исследования. *Результаты.* Многие документы свидетельствуют о тяжелом положении калмыков на спецпоселении, трудностях адаптации, отсутствии необходимых условий жилья, нехватке питания и одежды, других проблемах. В то же время в документах отразилось стремление власти, в том числе и органов НКВД, улучшить положение спецпоселенцев, решить вопросы их снабжения и трудоустройства. В исторической памяти калмыков сохранились перенесенные материальные трудности и психологические переживания, голод и

нищета, болезни и смерти близких. Однако они сохранили теплые отношения к местным жителям, которые оказывали им реальную помощь и поддержку.

Ключевые слова: этническая депортация, калмыки, повседневная жизнь, историческая память, устная история, спецпоселение, Великая Отечественная война

Благодарность. Исследование проведено в рамках Государственного задания ЮНЦ РАН на 2022 г. по теме НИР № 122020100347-2 «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)».

Для цитирования: Епифанов А. Е., Кринко Е. Ф. Административно-правовой режим и повседневная жизнь спецпоселенцев-калмыков в 1944–1945 гг.: официальные документы и воспоминания очевидцев // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 292–309. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-292-309

Administrative-Legal Regime and Everyday Life of Exiled Kalmyk Settlers in 1944–1945: Official Documents and Eyewitness Accounts Analyzed

Alexander E. Epifanov^{1,2}, Evgeniy F. Krinko³

¹ Moscow City University (16/10, Novokuznetskaya St., 119017 Moscow, Russian Federation)

² Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Research and Development Center (8, Zoya & Aleksandr Kosmodemyanskie St., 125171 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Law), Professor

 0000-0002-5686-5770. E-mail: mvd_djaty@mail.ru

³ Southern Scientific Center of the RAS (41, Chekhov Ave., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0003-3008-5626. E-mail: krinkoef@gmail.com

© KalmSC RAS, 2022

© Epifanov A. E., Krinko E. F., 2022

Abstract. *Introduction.* The deportation during the Great Patriotic War is a most tragic page in Kalmyk history. Despite numerous publications, the history of the Kalmyk exile continues to arouse research interest. *Goals.* The article aims to analyze the administrative-legal regime and everyday life of exiled Kalmyk settlers in 1944–1945. *Materials and methods.* The study explores two sets of historical sources: 1) official documents from the State Archive of the Russian Federation (collections of the USSR Ministry of Internal Affairs and its Fourth Special Department), 2) private sources — memoirs of former exiled settlers. The work employs systematic and interdisciplinary approaches, uses the historical legal and historical anthropological research methods. *Results.* Many documents attest to the harsh conditions experienced by Kalmyks in special settlement areas, adaptation difficulties, lack of necessary housing conditions, food and clothing, and other problems. At the same time, the documents narrate the desire of authorities (including NKVD bodies) to improve the situation faced by exiled settlers, solve problems of their supply and employment. The historical memory of Kalmyks contains imprints of the endured pecuniary burdens and psychological traumas, starvation and poverty, illnesses and deaths of beloved ones. However, the people retain hearty attitudes towards local residents who rendered them real help and support.

Keywords: ethnic deportation, deportation, Kalmyks, everyday life, historical memory, oral history, special settlement, forced settlements, Great Patriotic War

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment for Southern Scientific Center (RAS), project no. 122020100347-2 ‘Political and Sociocultural Processes across South Russia in Modernization Contexts, 17th to 21st Centuries’.

For citation: Epifanov A. E., Krinko E. F. Administrative-Legal Regime and Everyday Life of Exiled Kalmyk Settlers in 1944–1945: Official Documents and Eyewitness Accounts Analyzed. *Oriental Studies*. 2022; 15(2): 292–309. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-60-2-292-309

Введение

Выселение калмыцкого народа в конце 1943 г. и последующее пребывание на спецпоселении относятся к наиболее трагическим страницам его истории. Первые работы на данную тему появились еще в советское время. В духе господствовавших в тот период в советской историографии представлений в них подчеркивалась несправедливость обвинения калмыков в «сотрудничестве с гитлеровцами и предательстве интересов Родины» [Очерки истории 1970: 309], отмечалась помощь, оказанная им местным населением в ссылке, описывались трудовые подвиги спецпоселенцев как проявление их патриотизма, за которые они были заслуженно удостоены государственных наград [Очерки истории 1970: 317–333].

В российской историографии данная тема стала предметом более глубокого изучения в обобщающих работах, посвященных этническим депортациям и системе спецпоселений в СССР [Полян 2001; Земсков 2003; Бердинских 2005; и др.], в фундаментальных трудах по истории Калмыкии [История Калмыкии 2009; Максимов 2020; и др.] и специальных исследованиях.

Немало внимания историки уделили разработке и проведению операции «Улусы», порядку принудительного переселения и обустройства депортированных на новом месте, их реабилитации и возвращению на родину [Бугай 1991; Серазетдинов, Иванов 2007; Убушаев В., Убушаев К. 2007; Зберровская 2013; и др.].

Наряду с изучением нормативно-правового статуса спецпоселенцев [Белковец 2004; Баев 2006; Лиджиева 2013; и др.] появились исследования, посвященные их повседневности, ее отражению в исторической памяти, психологической травме как одному из последствий депортации [Гучинова 2005а; Гучинова 2005б; Гучинова 2019; Гучинова 2021; и др.].

Разработка указанных вопросов стала в значительной степени возможна благодаря введению в научный оборот широкого комплекса архивных документов [Депортация народов 1992; Иосиф Сталин 1992; Книга Памяти 1993; Книга Памяти 2001; История

сталинского 2004; Сталинские депортации 2005; и др.] и записи воспоминаний непосредственных участников событий [Мы — из высланных 2003; Во глубине сибирских 2013; Депортация в памяти 2014; Забвению не подлежит 2014; Калмыки 2019; и др.].

Тем не менее исследователи обоснованно указывают на необходимость поиска новых «материалов о жизнедеятельности калмыков, высланных на спецпоселение» в региональных архивах [Куканова, Очиров 2021: 746]. Обращают на себя внимание и сохраняющиеся разногласия в трактовке причин, характера и последствий депортации (см.: [Гунаев 2013; и др.]), причины которых связаны с различиями исследователей не только в подходах, но и в используемых источниках. В то же время обращение к данной теме, наряду с историками, юристами, антропологами, политологами, фольклористами, литературоведами и других исследователей, предлагающих собственное прочтение соответствующих источников, создает перспективы ее дальнейшей разработки на основе междисциплинарного подхода.

Целью данной публикации является анализ административно-правового режима спецпоселенцев-калмыков и обстоятельств их повседневной жизни, а также их отражения в официальных документах и воспоминаниях очевидцев. Хронологические рамки ограничены периодом 1944–1945 гг. — первыми годами пребывания калмыков на спецпоселении, с момента их прибытия и до завершения Великой Отечественной войны, когда шел процесс выработки новых административных и поведенческих практик. Этот период был наиболее сложным для калмыков как в материально-бытовом, так и в социально-психологическом отношении, поскольку им пришлось преодолевать трудности адаптации к новым местам жизни и деятельности в условиях отсутствия большинства мужчин трудоспособного возраста, находившихся на фронте. Принятие ряда нормативно-правовых актов в послевоенное время, в первую очередь ужесточение наказаний за побеги с мест спецпоселений, а также присоединение к своим семьям мужчин-фронтовиков после демобилизации

ции, обозначили новые способы и формы закрепления калмыков за местами ссылки, лишая их надежд на возвращение.

Материалы и методы

Статья основана на двух группах исторических источников. Первую составляют официальные ведомственные документы из фондов Министерства внутренних дел (МВД) (в рассматриваемый период — Наркомата внутренних дел СССР (Р-9401) и 4-го спецотдела МВД / НКВД СССР (Р-9479) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Они частично представлены в предыдущих документальных публикациях и исследованиях. Однако авторы впервые вводят в научный оборот ряд ранее неопубликованных делопроизводственных документов центрального и местных аппаратов Наркомата внутренних дел (НКВД) СССР, что позволяет существенно дополнить представления о режиме отбывания репрессированными калмыками специального поселения. Вторая группа источников представлена воспоминаниями бывших спецпереселенцев, в основном опубликованными, а также записанными непосредственно одним из авторов. Можно предположить, что, по крайней мере, у респондентов, высланных из Калмыкии в детском возрасте, представления о пребывании на спецпоселении формировались не только на основе личных впечатлений, но и в ходе обсуждения данных событий с родителями и другими старшими родственниками, выступая проявлениями семейной памяти.

Авторы опираются на системный и междисциплинарный подходы, используя различные методы исследования. Историко-правовые методы позволили на основе официальных документов охарактеризовать режим спецпоселений. Историко-антропологические методы выразились в обращении к судьбам конкретных людей и их семей через их отражение в воспоминаниях.

Административно-правовой режим спецпоселения калмыков

Порядок принудительного переселения и последующего размещения на новом месте калмыков был в основном определен постановлением СНК СССР № 1432/42сс «О выселении калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР» [ГА РФ. Ф. Р-9479.

Оп. 1. Д. 136. Л. 3–6]. Согласно данному документу, НКВД СССР надлежало направить в Алтайский и Красноярский края, в Омскую область по 25 000 высылаемых калмыков и 20 000 — в Новосибирскую область. Расселение калмыков следовало производить главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовецких хозяйствах. Квалифицированные рабочие и служащие подлежали использованию по специальности на «предприятиях районов вселения». На краевые и областные исполнкомы возлагались прием, размещение и вовлечение спецпоселенцев в сельскохозяйственные, рыболовецкие и промысловы артели, а также их наделение приусадебными участками согласно уставу сельхозартели. Расселение предполагалось производить в первую очередь в пустующие здания колхозов и совхозов путем освобождения части зданий в трудпереселенческих и спецпоселках, а также путем уплотнения жилых зданий в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах. Спецпоселенцам требовалось оказание содействия в строительстве собственных домов путем предоставления местных строительных материалов. Алтайскому и Красноярскому краевым, Омскому и Новосибирскому областным исполнкам предстояло право мобилизовать для перевозки спецпоселенцев автомобильный и гужевой транспорт любых предприятий союзной и местной промышленности, колхозов. Допускалось также использовать для этого «автотранспорт, работающий на вывозке зерна в попутном и порожнем направлении» [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 5].

Мероприятия, связанные с подготовкой расселения спецпоселенцев-калмыков, осуществлялись под контролем, а многие и при непосредственном участии органов НКВД. Исполнителями оперативных планов в документах указаны первые лица соответствующих региональных управлений и представители центрального аппарата НКВД СССР. В районы спецпоселения были направлены представители краевых и областных управлений, с которыми предварительно был проведен необходимый инструктаж. Они были также снабжены специальной памяткой с подробным перечнем работ по подготовке, приему и расселению репрессированных. Оперативное руководство подготовитель-

ной работой и прием эшелонов со спецпоселенцами на узловых пунктах разгрузки осуществляли представители московской бригады НКВД СССР и ответственные работники региональных управлений [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 76].

3 января 1944 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия в докладной записке И. В. Сталину и В. М. Молотову в Государственный комитет обороны СССР отрапортировал о том, что НКВД СССР совместно с местными организациями приняты необходимые меры по приемке, обеспечению жильем и трудовому устройству репрессированных калмыков в местах спецпоселения [ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 64. Л. 1]. Как это станет видно далее, приводимая информация далеко не полностью соответствовала действительности.

Согласно разъяснениям отдела спецпоселений НКВД СССР от 26 августа 1944 г., никакого специального режима для спецпереселенцев по месту их пребывания или работы не создавалось. По жилищно-бытовым условиям, в вопросах обеспечения продуктами питания и иными видами снабжения, а также в части культурного и медицинского обслуживания, социального обеспечения спецпереселенцы приравнивались к местным рабочим и служащим [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 157. Л. 152].

В связи с тем, что члены многих семей в процессе переселения оказались в разных местах высылки, 9 сентября 1944 г. была принятая директива НКВД СССР «О соединении разрозненных семей калмыков». Отмечая важность проблемы воссоединения семей, исследователи считают, что указанный документ должен был способствовать прочности оседания людей в местах высылки [Лиджиева 2013: 34].

В 1944 г. были приняты также распоряжения СНК СССР «Об обучении детей спецпереселенцев на русском языке», «О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД», «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД-НКГБ, относящихся к переселенным национальностям» и другие нормативно-правовые акты об устройстве жизни спецпоселенцев [Лиджиева 2013: 34].

Главным документом, регламентировавшим пребывание калмыков на спецпоселении, стало постановление СНК СССР

№ 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев» [ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 47а. Д. 3205. Л. 13–14]. В нем отмечалось: «Спецпереселенцы пользуются всеми правами граждан СССР», за исключением права «отлучаться за пределы района расселения» без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД. Самовольная отлучка за пределы расселения обслуживающей спецкомендатуры рассматривалась как побег и влекла за собой ответственность в уголовном порядке. Кроме того, спецпереселенцы — главы семей или замещавшие их лица обязывались в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях, произошедших в составе семьи. От спецпереселенцев требовалось строго соблюдать установленный режим и общественный порядок в местах расселения и подчиняться всем распоряжениям спецкомендатур НКВД под угрозой административного взыскания в виде штрафа до 100 рублей или ареста до 5 суток.

Прибытие на спецпоселение

С 9 по 18 января 1944 г. Омская область приняла 13 железнодорожных эшелонов с 8 468 семьями спецпереселенцев, включавшими 27 158 человек: 4 701 мужчин, 9 559 женщин и 12 898 детей. Они были размещены в 19 районах, расположенных по линии железной дороги и находившихся на расстоянии от 10 до 100 километров от ближайших станций. В пустующих домах были размещены 1 857, в жилых домах «за счет уплотнения» — 6 611 семей [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96].

В Новосибирской области в январе 1944 г. были расселены 5 455 семей в составе 16 436 человек, в том числе 3 579 мужчин, 5 605 женщин, 7 252 ребенка [Максимов 2020: 400]. В Алтайский край — 6 469 семей из 22 213 человек, в том числе 4 269 мужчин, 7 524 женщины, 10 420 детей [Максимов 2020: 399].

Все спецпереселенцы первоначально были расселены в домах хозяйственного и общественного назначения по колхозам, совхозам и предприятиям, частично — в домах колхозников. 7 528 семей из 24 998 человек, в том числе 4 448 мужчин, 8 845 женщин, 11 705 детей было расселено в Красноярском крае [Максимов 2020: 400], 648 семей калмыков — в Казахской ССР [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 189].

В апреле 1944 г. 753 семьи из Ростовской области прибыли в Новосибирскую область [Максимов 2020: 402], а в июле 1944 г. 379 семей были выселены из Сталинградской в Свердловскую область [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 106].

Необходимо отметить крайне неблагополучное санитарно-эпидемиологическое состояние спецпереселенцев, в определенной степени вызванное просчетами в организации и проведении перевозки спецпереселенцев, приведшими в свою очередь к повышенной заболеваемости и смертности. В некоторых эшелонах были зарегистрированы случаи инфекционных заболеваний. В Омске и Кормиловском районе Омской области с поездов было снято 3 заболевших сыпным тифом. Еще 13 калмыков заболели тифом на карантине. 256 человек были госпитализированы при разгрузке эшелонов с иными инфекционными заболеваниями. В семи районах по месту расселения калмыков вспыхнули очаги сыпного тифа. Всего в пути умерли 309 человек, а в Омской области с 9 по 25 января 1944 г. еще 83 человека, в том числе 11 мужчин, 8 женщин, 33 старика и 31 несовершеннолетний ребенок. Основной причиной смерти явилось воспаление легких (в 37 случаях) [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 99]. По пути в Алтайский край обморозились 19, умерли 314 человек (33 мужчины, 47 женщин, 121 ребенок, 113 стариков). Через неделю из 317 госпитализированных умерли еще 164 человека. По пути в Красноярский край умерли 434 человека и 94 человека через неделю по прибытии [Максимов 2020: 399–400]. На пути в Новосибирскую область с эшелонов были сняты 192 трупа спецпереселенцев. Калмыки прибыли в тяжелом состоянии, на 100 % завшивевшие. 224 человека были госпитализированы с диагнозами дистрофия, воспаление легких и туберкулез. 39 из них вскоре умерли [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 7].

В документах отмечалось большая организационно-хозяйственная работа, проведенная накануне приезда калмыков в районах их размещения: подготовка жилья, ремонт окон, дверей, печей и полов в намеченных к вселению спецпереселенцев пустовавших домах. В колхозах и совхозах для спецпереселенцев было заготовлено и подвезено к жилью около 5 000 кубометров дров из расчета обеспечения топливом ка-

ждой семьи на 10–12 дней. Заранее были намечены и подготовлены пункты санитарной обработки, приема горячей пищи и обогрева. Для перевозки детей местное население предоставило теплую одежду — полушибки, тулупы и валенки. В среднем на каждую калмыцкую семью предусматривалось по полторы подводы для перевозки вещей [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96].

На станциях разгрузки спецпереселенцев встречали представители районов, колхозов, совхозов и предприятий. Прибывшие спецпереселенцы прошли санитарную обработку, получили горячее питание, сухой паек на 5 дней и в организованном порядке были распределены по местам вселения [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96]. Эти сведения нашли отражение в воспоминаниях бывших спецпереселенцев. Н. К. Ченинова, прибывшая в Убинский район Новосибирской области 11 января 1944 г., вспоминала: «С 6 утра начали подъезжать подводы. Стали увозить людей, а к нам все никто не подъезжал. Позже подъехала машина, в которую стали загружать стариков и маленьких детей, чтобы отвезти в теплое помещение. Там их обещали покормить и напоить чаем». По прибытии автора воспоминаний также «угостили русским чаем» [Депортация в памяти 2014: 30].

Многим запомнилась проводившаяся по прибытии санитарная обработка — в пути у калмыков не было возможности соблюдать санитарно-гигиенические нормы: «...в первую очередь, нас повели в баню, в парную — травили вшей. Одежда у многих сгорела, остались нагими» [Депортация в памяти 2014: 10–11]; «по словам мамы, в руднике у нас санитарная обработка была, всех повезли в баню, потому что дорогу перенесли такую, большую. Естественно, были насекомые. Одежду всю пожгли, потравили и потом, при выходе из бани уже давали что кому угодно, обработанную, дезинфицированную, видимо, и не свою даже одежду, а вот то, что приготовили местные организации, местные власти. В большинстве случаев даже одежду меняли» [ПМА: Лиджи-Горяева 2018].

Дальнейший путь лежал в еще более глухие места: «...мы попали вообще в самую тайгу, глушь, оказывается. Куда-то увезли после санитарной обработки в глушь, и первую зиму зимовали в этой глухи» [ПМА: Лиджи-Горяева 2018].

Причины перемещений были не всегда ясны спецпереселенцам, особенно детям: «Сначала нас привезли в Ульяновский район Омской области. Что потом случилось, почему нас снова погнали дальше, не знаю. Привезли в Салехард» [Во глубине сибирских 2013: 157].

Другие спецпереселенцы сами переезжали на новые места, чтобы встретиться с близкими или земляками: «В поисках лучшей доли мы переехали в свиноводческий совхоз „Спайка“, там было много наших земляков» [Во глубине сибирских 2013: 159]. В последующем часть калмыков из мест первоначального размещения переселилась в другие регионы, от Сахалина до Ханты-Мансийска и Салехарда.

Трудоустройство и трудовая деятельность

По сообщениям органов НКВД с мест, значительная часть спецпереселенцев быстро осваивалась и активно включалась в трудовую деятельность [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 6–7]. Однако эти сообщения звучат слишком оптимистично. Спецпереселенцы прибывали в тяжелом состоянии, у многих практически не было белья, пригодной одежды и обуви: «Была ли постель, не помню, и мы всю зиму на улицу не выходили. Не в чем было. И вот только по весне, когда травка появилась, растения, это, наверно, скорей апрель-май по сибирским меркам, мы стали выходить на улицу» [ПМА: Лиджи-Горяева 2018]. Поэтому к весне 1944 г. свыше 30 % трудоспособных спецпоселенцев не работали [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 6–7].

В документах отмечается, что партийные и советские органы развернули и систематически проводили массово-политическую работу среди спецпоселенцев, склоняя их к труду, соблюдению в местах расселения и на работе санитарных правил. Кроме того, агитаторы настойчиво внушали калмыкам, что те выселены «навечно», в связи с чем им неизбежно придется осваиваться и обзаводиться личным хозяйством. Любые надежды на новое переселение отметались. Труд калмыков использовался преимущественно на лесоразработках, райпромкомбинатах, кирпичных заводах, торфоразработках и подсобных хозяйствах крупных промышленных предприятий. По

специальности были трудоустроены трактористы, механики, комбайнёры, животноводы и рыбаки [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 96].

8 марта 1944 г. были утверждены разработанные отделом спецпоселений НКВД СССР «Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев — калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев и немцев». В соответствии с данным документом весь трудоспособный спецконтингент следовало в кратчайшие сроки трудоустроить. Контроль над хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев возлагался на отделы спецпоселений НКВД-УНКВД, а также районные и поселковые спецкомендатуры НКВД с целью не допустить самовольного перехода спецпереселенцев или их перевода по распоряжению администрации с одного предприятия на другое, вне пунктов расселения, а также устранять недочеты в деле хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев [Лиджиева 2013: 34].

Во многих воспоминаниях спецпереселенцев-калмыков существенное место занимает тяжелый труд. Особенно трудно пришлось женщинам, работавшим на лесозаготовках в тайге: «Мы валили лес, т. е. пилили ручной пилой огромные деревья, затем обрубка сучков, распилка на чурки. Работали одни женщины разного возраста: старше 30 лет, моложе 30 лет. Работа была очень тяжелая. Валили лес высоко в горах, а на эту высокую, крутую гору еще надо было добраться. Поднимались и опускались обычно с палкой в руке». Работать приходилось по 8 часов в день при норме в 8 кубометров «на 2 человека: распилить, расколоть, сложить». Это был не только физически тяжелый, но и опасный труд: «Были случаи (и нередко) травм головы, рук, ног. Когда спиленное дерево падает, надо успеть отбежать подальше. Однажды женщина отбежала не в ту сторону, и ее насмерть задавило деревом. Это было очень страшно. Однажды ударом сучка меня ранило в голову, и я лечилась в больнице» [Депортация в памяти 2014: 31–32].

Материальное положение спецпереселенцев

По данным отдела спецпоселений НКВД СССР, до 80 % калмыков в Новосибирской

области к 1 октября 1944 г. были раздеть и разуты, не имели пригодной обуви и одежды. Из-за отсутствия одежды 581 ребенок не посещал школу [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 12].

Особенно остро стоял вопрос с питанием. Ситуация усугублялась тем, что большинство калмыков были расселены в колхозах, где продовольственные фонды по окончании хозяйственного года уже были распределены по трудодням. Свободные продовольственные остатки отсутствовали. В результате продовольствия для репрессированных по месту их спецпоселения фактически не оказалось.

К октябрю 1944 г. до 20 % калмыков, трудоустроенных в колхозах Алтайского и Красноярского краев, Омской и Тюменской областей, доели все запасы продовольствия. В Омской области к этому времени уже были зарегистрированы факты нищенства среди спецпоселенцев, многие из них страдали дистрофией [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 165–166]. По прогнозам руководства отделов спецпоселений региональных управлений НКВД, к концу года до 50 % калмыков, расселенных в колхозном секторе, должны были оказаться в аналогичном положении. Выборочная проверка в Новосибирской области показала, что из 125 семей калмыков, проживавших в колхозах Андреевского района, лишь 17 при условии строжайшей экономии были в состоянии растянуть свои запасы продуктов до марта 1945 г. 22 семьи располагали продовольствием лишь до февраля этого года. Остальные 86 семей на момент проверки продуктов питания не имели и вынуждены были существовать исключительно за счет подачек местного населения. Во многих колхозах Новосибирской области, несмотря на добросовестную работу спецпоселенцев, никто из них не получил ни овощей, ни хлеба на заработанные трудодни. В связи с полным отсутствием продовольствия многие калмыки занимались нищенством [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 167].

Упоминание о голоде звучит рефреном во многих воспоминаниях о первых годах ссылки: «Все равно есть было нечего, многие умерли от холода и голода» [Депортация в памяти 2014: 219]; «Не хочется вспоминать о голоде, но все же он был и был неотъемлемой частью в жизни нашего народа

в эти тяжелые времена. Сколько людей погибло из-за голода?! Сколько судеб он поломал?!» [Депортация в памяти 2014: 182].

Авторы воспоминаний приводят и практики выживания спецпереселенцев, в том числе детей: «Мы же в первое время материально бедствовали. Приходилось ходить и собирать после разгрузки рыбы рыбные отходы. Промывали их и готовили еду», — вспоминает М. Б. Горяев [Во глубине сибирских 2013: 159]. «Дети тогда рано взрослели, — отмечает С. Кубанова. — В Кормиловке у нас не было ни топлива, ни еды. Мы часто, взяв санки и мешки, бежали на железную дорогу в поисках проходящих составов с углем. На останавливающиеся поезда ребята посмелее взирались, а малыши внизу уголь подбирали. Голод и нужда заставляли долго работать ручонками, не мешало даже движение поезда — спрыгивали, когда грузовой поезд уже набирал скорость. Также с вагонов мы сбрасывали и жмых хлопковый (огромные круги килограммов по 20 каждый). Падая, они разбивались о землю на мелкие куски, мы подбирали их, приносili домой и жарили прямо на печи. Часто жмых (это ведь вата!) горел, но мы грызли эти черные кусочки, потому что беспрестанно хотелось есть. Мы всегда остро ощущали голод» [Во глубине сибирских 2013: 177]. «Спасал лес: собирали ягоды, кедровые орехи. Научились сажать огорода, выращивали картошку, заготавливали сено, разводили скот», — свидетельствует С. Л.-Г. Сангаджиева [Депортация в памяти 2014: 219].

Дополнительные трудности вызывали неприспособленность калмыков к суровому сибирскому климату, непривычные условия работы и незнание многими русского языка, поскольку они получали начальное образование в годы советской власти на родном языке. Кроме того, часть местного населения, а также представители органов власти первоначально отнеслись к репрессированным калмыкам враждебно. По словам А. М. Джимбиева: «Мы приехали, слух пошел, что людоеды едут». Эти стереотипы преодолевались только в процессе длительного общения и взаимодействия: «Потом привыкли: оказывается, калмыки не едят людей, работают» [ПМА: Джимбиев 2018].

В наиболее тяжелом положении оказались многодетные семьи, в которых были

инвалиды, а трудоспособные отсутствовали. Нередко совхозы и колхозы отказывались принимать на иждивение такие семьи. По словам У. Э.-Г. Бембеева, попавшего в деревню Козловку Новосибирской области, «колхозники очень избирательно брали нас к себе: если есть работники в семье — брали, если нет — откращивались под разными предлогами. И понять их можно — это же лишняя обуза!» [Во глубине сибирских 2013: 562].

Работавшим на предприятиях и в учреждениях и членам их семей выдавали продукты по карточкам, но по минимальным нормам, что вынуждало искать дополнительные источники продовольствия: «В сутки на каждого иждивенца (детей и старииков) давали по 200 грамм хлеба, для рабочих — 500 грамм. Большой радостью было, если достанется небольшой довесок. Правда, мама почему-то ругала за то, что я брала эти довески. Принесет мама домой эти 700 грамм и делит на завтрак, обед и ужин. Весной, на Пасху, мама давала мне небольшую сумку, и я ходила на кладбище. Там люди могли дать кто картошку, кто пирожок, кто капусту» [Депортация в памяти 2014: 183].

Материальные трудности усиливались психологическим стрессом, вызванным переменами в положении людей: «На родине у нас было всё: дом, свой двор, скотина, одежда, обувь на все сезоны. Мать в колхозе работала. Одним словом, было где жить, что одевать и кушать. Не бедствовали. А тут в один миг всё потеряли, да еще оказались в чужом kraю» [Во глубине сибирских 2013: 157].

В октябре 1944 г. проверкой органов НКВД было установлено, что постановление бюро Омского обкома ВКП(б) от 10 марта 1944 г. №366/20, обязывавшее райкомы ВКП(б) и исполкомы райсоветов принять практические меры по улучшению материально-бытового положения спецпоселенцев-калмыков, выполнялось крайне неудовлетворительно. Жилье подавляющего большинства калмыков к зиме не было подготовлено, отпущенные на нужды ре-пресированных государством фонды реализовывались неудовлетворительно. Значительная часть калмыков в конце 1944 г. проживала в абсолютно непригодных жилищах: амбарам, банях, сарайах и даже шала-

шах. Ссуды, направленные на индивидуальное строительство, реализовывались очень медленно. Из ассигнованных с этой целью на 1944 г. 222 500 руб. оказались реализованы лишь 36 %. По некоторым районам Омской области выделенные ассигнования не были реализованы совершенно [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 175].

Большинство калмыков не имели одежды, пригодной к условиям сибирской зимы. Но даже и ту, которая имелась, они вынуждены были продать или обменять на продукты [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 12]. В ряде колхозов Исилькульского, Калачинского, Называевского и некоторых других районов Омской области десятки семей калмыков к январю 1945 г. по-прежнему проживали в полуразрушенных домах-землянках без крыш, окон и дверей, в колхозных банях и амбарамах при чрезвычайной уплотненности [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 99].

В документах отмечается и антисанитарное состояние занимаемых калмыками помещений, их поголовная завшивленность в условиях крайней неблагоустроенности. Комплексная санобработка спецпереселенцев во многих районах после их приема не проводилась ни разу. В связи с этим Омский областной комитет партии обязал областной отдел здравоохранения и райисполкомы осуществлять санитарный и медицинский надзор в местах расселения калмыков, не допуская антисанитарного состояния занимаемых ими помещений и завшивленности. Дважды в месяц стали проводиться комплексные санобработки спецпоселенцев [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 176].

Тяжелые условия жизни и голод способствовали повышению смертности среди спецпоселенцев. Только в Новосибирской области в 1944 г. умерли 1 510 калмыков [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 6–7], что составило 8,4 % от их общей численности. В Омской области (в новых границах) в 1944 г. умерли 1 856 человек (16,3 %), в Томской — 142 (17,4 %), в Тюменской — 1 755 (12,3 %) [Максимов 2020: 423]. Крайне сложно обстояли дела в Свердловской области, где из-за отсутствия необходимых условий размещения и питания среди спецпереселенцев значительно возросла заболеваемость и смертность. К 1 марта 1945 г. умерли 139 человек (11,8 % общей численности

прибывших). При этом 41 человек (30 %) умер от дистрофии, 56 (40 %) — от легочных заболеваний. 72 умерших (51,7 %) были несовершеннолетними детьми [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 166. Л. 98–99].

Выдача скота

За сданный скот и имущество в Калмыкии спецпоселенцы должны были получать на новых местах денежную компенсацию по действовавшим заготовительным ценам или крупный рогатый скот. По словам Н. К. Чениновой: «В марте 1944 года, за то, что мы в Калмыкии оставили свое имущество, нам дали корову. В мае она отелилась, и у нас появилось молоко» [Депортация в памяти 2014: 31–32].

Порядок компенсации регулировался распоряжением СНК СССР от 29 мая 1944 г., согласно которому спецпоселенцы должны были получить в среднем не выше 200 кг живого веса крупного рогатого скота и до 33 кг овец при наличии соответствующей квитанции о сдаче скота и сельскохозяйственной продукции при выселении. Ввиду нормативно установленного столь небольшого веса подлежащего возврату скота некоторым калмыцким семьям для получения полноценной дойной коровы приходилось объединяться [Лиджиева 2013: 34]. Однако после высылки калмыков установить принадлежность скота к конкретным хозяйствамказалось невозможным. Это обстоятельство послужило препятствием для выписки именных квитанций бывшим владельцам скота [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136. Л. 194–195].

Документы свидетельствуют, что выдача скота спецпоселенцам в первое время затягивалась. Особенно неблагополучное положение в этом вопросе сложилось в северных районах Тюменской области и Красноярского края, где скот фактически отсутствовал и завезти его до открытия навигации не представлялось возможным. В Новосибирской области скот имелся, но не было кормов. В условиях крайнего дефицита домашнего скота СНК СССР своим постановлением № 16398-рс от 10 августа 1944 г. разрешил выдать спецпоселенцам скот, закупленный для освобожденных от оккупации районов. Но во многих местах выдача скота калмыкам была отсрочена до начала 1945 г. Если к 1 октября 1944 г.

в Новосибирской области им было выдано только 31 % положенного скота, то на 10 февраля 1945 г. — 2 535 голов крупного и 1 308 — мелкого скота, т. е. 70 % к плану. Полностью скот выдали калмыкам только в 3 из 19 районов и еще в 5 — на 90 %. В остальных районах выдача скота была задержана до мая–июня 1945 г. в связи с его отсутствием [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 115].

Алтайскому крайисполку Наркоматом мясной и молочной промышленности СССР для бесплатного распределения среди калмыков было выделено 5 099 голов крупного рогатого скота (1 007 тонн живого веса). Кроме того, Наркоматом заготовок (Наркомзагом) СССР для бесплатной выдачи спецпоселенцам было выделено 418 тонн продовольственного зерна. Наркомзаг также обязал Алтайский крайисполком отпустить спецпоселенцам-калмыкам 485 тонн муки, 145 тонн крупы и 485 тонн картофеля. Но в течение продолжительного времени эти продукты спецпоселенцам не выдавались, поскольку не было ясно, следовало их выдавать бесплатно либо требовать предъявления обменных квитанций. В первую очередь скот выдавался семьям красноармейцев, имевшим малолетних детей, лучшим работникам производства, а также тем семьям, которые прежде имели в личном пользовании крупный рогатый скот и перед выселением сдали его государству. Незамедлительной выдаче спецпоселенцам скота было посвящено специальное решение Алтайского крайисполкома. Районными спецкомендатурами на выдачу скота составлялись специальные списки, подлежащие утверждению районными исполнкомами [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 116].

Необходимо отметить, что, получив скот, во многих случаях спецпоселенцы-калмыки вынуждены были практически сразу же приступить к его забою или продаже. В основном это было вызвано их тяжелым продовольственным положением, практически полным отсутствием фурража и утепленных стойл, а также слухами о предстоящем новом переселении. В Новосибирской области полученный скот забили или продали 226 калмыцких семей. Еще у 78 семей скот от бескорыицы пал [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 11]. Пресекли начавшийся несанкционированный забой

скота только решительные меры со стороны органов НКВД. При этом 34 калмыка как инициаторы забоя скота и один управляющий скотофермой были привлечены к уголовной ответственности. 60 % выделенного скота было определено на прокорм и сбережение в благополучные колхозы и совхозы [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 11].

Поскольку переселение калмыков из Стalingрадской в Свердловскую область произошло уже после издания постановления СНК СССР №627-176сс от 29 мая 1944 г., этой части спецпоселенцев сданный ими по прежнему месту жительства скот своевременно компенсирован не был. 350 голов крупного рогатого скота были бесплатно переданы им уже после войны [ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 106].

Меры по улучшению положения спецпереселенцев

Местные власти, организации и учреждения во многих регионах размещения спецпереселенцев первоначально не занимались вопросами их хозяйственно-бытового обустройства, полагая, что они относятся к компетенции органов НКВД [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 71–81]. Так, в Новосибирской области районные органы ВКП(б) обратились к данному вопросу лишь после того, как он был рассмотрен бюро обкома партии в октябре 1944 г. [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 72].

Еще в марте 1944 г. правительственные постановлениями предусматривалось выделение Наркомзагом СССР Красноярскому крайисполкому для распределения среди репрессированных калмыков 535 тонн муки, 160 тонн крупы и 535 тонн картофеля. Однако при выдаче муки и крупы калмыкам была допущена «особая медлительность». Лишь благодаря вмешательству НКВД СССР к 14 апреля спецпоселенцам были выданы 12,4 тонны муки и 1,5 тонны крупы. К 7 июня того же года спецпоселенцы получили только 125 тонн картофеля [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 46]. Примерно так же обстоял вопрос с выделением Наркомзагом для аналогичных целей 459 тонн продовольственного зерна [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 152. Л. 46].

Имеющиеся источники позволяют считать, что органы НКВД сыграли определенную роль в налаживании жизни спецпере-

селенцев. Так, отдел спецпоселений Новосибирского областного управления НКВД систематически направлял в районы своих сотрудников, чтобы выправить положение и оказать практическую помощь районному аппарату. С 1 октября 1944 по февраль 1945 гг. во все 19 районов Новосибирской области, где были расселены калмыки, выезжали 45 сотрудников управления НКВД, находившиеся там 315 дней [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 75].

Аналогичным образом налаживали работу со спецпоселенцами-калмыками на вверенной территории районные отделы и спецкомендатуры НКВД. В результате районные комитеты партии приняли 19 решений по этому поводу, районные исполнительные комитеты — 34. С целью наведения порядка в деле обеспечения спецпереселенцев были заслушаны 265 хозяйственников и представителей администрации из тех мест, где калмыкам приходилось хуже всего. 79 партийных, советских и хозяйственных работников при этом получили строгие взыскания. Руководство тех 11 районов, где положение калмыков было катастрофическим, систематически вызывали в Новосибирск. Таким образом, местные органы власти были принуждены заняться решением вопросов спецпереселенцев [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 81].

В Свердловской области под нажимом сотрудника областного управления НКВД Лесокомбинат, на котором работали калмыки, открыл детскую столовую, в которой 90 калмыцких детей ежедневно получали горячую пищу. За счет подсобного хозяйства калмыкам были выделены 5 тонн картофеля, на приобретение которых в два этапа выданы ссуды в 150 и 60 тысяч рублей. Надлежащие меры были приняты по приведению в порядок жилищ спецпоселенцев и очистке поселков. 9 наиболее нуждавшихся семей (49 калмыков) были переведены в более благоустроенные спецпереселенческие колхозы [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 166. Л. 98–99].

В октябре 1944 г. начальник управления НКВД Красноярского края предложил начальнику Отдела спецпоселений НКВД СССР добиваться через соответствующие наркоматы выполнения в кратчайший срок постановления СНК СССР о полной реализации выделенных фондов на скот, зер-

но, лес, гвозди и оконное стекло, а также кредитов на жилищное строительство для спецпоселенцев. С главками и торгующими организациями было поручено договориться о выделении калмыкам теплой одежды и обуви, а также об увеличении норм отпуска соли и чая. В Наркомзаге СССР следовало добиться получения наряда на 3 000 тонн сена для обеспечения выданного репрессированным скота. Особое ходатайство было посвящено расширению сети инвалидных и детских домов, предназначенных для инвалидов и детей-сирот в возрасте до 14 лет. Соответствующие вопросы было предложено разрешить через наркоматы социального обеспечения и просвещения, обязав при этом на этот счет соответствующие краевые отделы [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 118].

В Алтайском крае для строительства жилья Госплан СССР в первом квартале 1944 г. выделил 8 000 квадратных метров пиломатериалов, 10 тонн катанки для гвоздей и 2 вагона оконного стекла. К 1 октября 1944 г. в Алтайском крае калмыками было построено 433 жилых помещения. Но развертывание индивидуального жилищного строительства калмыками существенно тормозило отсутствие на местах транспорта и строительных материалов, особенно гвоздей и оконного стекла [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 115].

Многие калмыцкие семьи проживали в зимнее время в требовавших капитального ремонта бараках, в условиях огромной скудности. Построенные спецпоселенцами индивидуальные дома к зиме оказались не готовы ввиду отсутствия оконных рам и дверей. О невыполнении местными хозяйственными органами своих обязанностей по хозяйственно-бытовому устройству калмыковставил на вид начальнику УНКВД Алтайского края заместитель наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышев, который непосредственно курировал работу со спецпоселенцами на местах и обеспечивал в необходимых случаях своевременное вмешательство центрального аппарата НКВД СССР [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 117].

Органы НКВД инициировали правительство вмешательство для обеспечения спецпоселенцев-колхозников предметами и продуктами первой необходимости по карточной системе [ГА РФ. Ф. Р-9479.

Оп. 1. Д. 161. Л. 167]. По решению СНК СССР от 19 ноября 1944 г. для реализации калмыкам было выделено 10 000 метров хлопчатобумажной ткани, из которых 6 905 метров были раскуплены. Полностью была получена выделенная шерсть, из которой, несмотря на загруженность промкомбинатов заказами для фронта, для спецпоселенцев изготовили 4 500 пар валенок, в том числе 2 012 пар были проданы калмыкам. Кроме того, в порядке мобилизации областных и районных ресурсов для наиболее нуждавшихся калмыков было выделено 533 пары обуви, 250 комплектов верхней одежды, 400 комплектов нательного белья и постельные принадлежности [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 12].

Несмотря на перечисленные меры, многие калмыцкие семьи продолжали оставаться в бедственном положении и остро нуждались в денежной помощи на хозяйственное устройство и обзаведение. Многие семьи спецпоселенцев не имели посуды, мебели и домашней утвари. Вследствие полного отсутствия денежных средств они не имели возможности приобрести выделенные государством ткани, валенки и пр. В этой связи УНКВД Новосибирской области был поставлен вопрос о вынесении правительственного решения, направленного на выделение каждой калмыцкой семье по 1 000 рублей долгосрочного кредита на хозяйственное обзаведение.

При различных обстоятельствах, в основном в силу изменения административно-территориального деления, часть репрессированных калмыков оказалась также в Тюменской и Томской областях. Их положение, практически не отличавшееся от сложившегося в других регионах, к ноябрю 1944 г., по признанию наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия, стало критическим. Согласно его обращению в СНК СССР, они находились в исключительно тяжелых бытовых и санитарных условиях, в большинстве своем не имели белья, одежды и обуви. Меры местных исполнительных органов по улучшению жилищно-бытовых условий спецпоселенцев на зиму, по существу, оказались безрезультатными. В этой связи Л. П. Берия обратился к А. И. Микояну за экстренной правительственной помощью спецпоселенцам-калмыкам, ходатайствовав о выделении им в ноябре-декабре 1944 г.

36 тонн хозяйственного мыла, 18 тонн пли-
точного чая, 90 тонн соли, 50 тонн шерсти,
60 000 метров хлопчатобумажной ткани
[ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 151. Л. 48].

Согласно «Плану мероприятий по кал-
мыкам», утвержденному наркомом вну-
тренних дел СССР Л. П. Берия, 11–12 дека-
бря 1944 г. в Новосибирске было проведено
оперативное совещание начальников отде-
лов спецпоселений УНКВД Алтайского и
Красноярского краев, Омской, Томской и
Тюменской областей. На нем были подве-
дены итоги работы по хозяйственно-тру-
довому устройству калмыков и состоянию
оперативной работы среди них, поставлены
задачи и даны практические указания по
работе в данной сфере. Как выяснилось в
ходе совещания, наиболее остро стояли два
вопроса — питания и одежды. Положение
спецпоселенцев во многом усугублялось
тем, что большинство колхозов, в которых
были трудоустроены репрессированные
калмыки, с государством по хлебу не рас-
считались. В этой связи на заработанные
трудодни колхозники получали лишь аван-
сы в пределах 125–400 грамм хлеба на тру-
додень. Если местное население выживало
за счет индивидуальных хозяйств, спецпо-
селенцы, которые к тому же выработали
значительно меньше трудодней, таких воз-
можностей не имели и оставались в крайне
тяжелом положении. Лишь незначительной
части калмыков удалось засеять огорода
весной 1944 г. по причине нехватки семян.
Вместе с тем, не имея продуктов питания,
многие калмыки стали выкапывать карто-
фель чуть ли не на другой день после его
посадки. Лишь единицы из них оказались
обеспечены картофелем на зиму. Только
весной 1945 г. калмыки засеяли 575 га ин-
дивидуальных огородов [ГА РФ. Ф. Р-9479.
Оп. 1. Д. 248. Л. 12].

Руководству отделов спецпоселений ре-
гиональных управлений НКВД было пред-
писано принять все возможные меры для
оказания продовольственной помощи наи-
более остро нуждавшимся калмыкам за счет
местных ресурсов, по возможности пере-
бросить их семьи в совхозный сектор или на
предприятия. Вопрос о продовольственном
положении репрессированных калмыков
предлагалось безотлагательно поставить
перед региональными партийными комите-
тами с одновременной постановкой его на
контроль в НКВД СССР.

Начальникам отделов спецпоселений
управлений НКВД Алтайского и Краснояр-
ского краев, Омской и Тюменской областей,
на территории которых смертность спецпо-
селенцев достигала 10–12 % и выше, в де-
кабре 1944 г. Л. П. Берия было предложено
исследовать ее очаги и разобраться в причи-
нах этого ненормального явления. Началь-
ник отдела спецпоселений Новосибирско-
го управления НКВД Г. С. Жуков обратил
внимание на то, что, несмотря на факты
бездушного, наплевательского отношения
к спецпоселенцам, к уголовной ответствен-
ности были привлечены лишь некоторые
допустившие их хозяйственники. При этом
нигде, за исключением Новосибирской об-
ласти, организации, заинтересованные в
рабочей силе из числа калмыков, не лиши-
лись ее. В этой связи начальникам отделов
спецпоселений была поставлена задача не
проходить мимо подобных безобразий и
полностью использовать предоставленные
им права как в части привлечения вино-
вых лиц к уголовной ответственности, так
и в проведении хозяйственных репрессий.
Кроме того, начальникам отделов спецпосе-
лений было предложено взять под особый
контроль выполнение решений региональ-
ных комитетов партии, направленных на
улучшение положения спецпоселенцев-кал-
мыков. Непосредственная ответственность
за их осуществление была возложена на
руководство районных спецкомендатур
[ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 169].

Учитывая бедственное положение с
продовольствием, органы НКВД добились
от Новосибирского облисполкома выделе-
ния остронуждающимся спецпоселенцам
из внутриобластных ресурсов 50 тонн зерна
и 500 тонн картофеля. Но это решение по-
зволило смягчить положение лишь в незна-
чительной степени. Находившиеся в сель-
ском секторе калмыки были поставлены на
централизованное снабжение. По решению
СНК СССР №155-65c от 28 января 1945 г. на
снабжение по установленным нормам были
взяты 8 500 человек из 9 925 трудоустро-
енных в сельском секторе (85 %) [ГА РФ.
Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 11].

В апреле 1945 г. НКВД СССР выступил
перед советским правительством с ходатай-
ством отпустить спецпоселенцам в порядке
семенной ссуды картофеля, зернобобовых,
проса и кукурузы. Столовую свеклу, мор-

ковь, капусту, лук и огурцы предлагалось отпустить спецпоселенцам за наличный расчет. Подготовленный в недрах союзного наркомата внутренних дел проект соответствующего постановления СНК СССР предусматривал оказание всемерного содействия спецпоселенцам в засеве ими в 1945 г. приусадебных участков и индивидуальных огородов за счет местных ресурсов, включая выделение им дополнительного количества семян по не предусмотренным культурам [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 72–73].

Однако, несмотря на предпринятые меры и нажим со стороны органов НКВД, серьезных изменений в деле снабжения спецпоселенцев одеждой и обувью так и не наступило. Лишь незначительное количество предприятий, на которых были задействованы репрессированные калмыки, оказалось в состоянии обеспечить их всем необходимым. В результате во многих районах сотни спецпоселенцев вынуждены были прекратить работу, так как им нечего было одеть и обуть. По той же причине множество калмыцких детей школьного возраста не посещали школу. Например, в Манском районе Красноярского края 100 спецпоселенцев прекратили выход на работу, так как они были совершенно раздеты и разуты. На Томском лесоперевалочном комбинате 408 калмыков с наступлением холодов прекратили работу по той же причине. В одном только Андреевском районе Новосибирской области 105 детей за отсутствием одежды и обуви не вышли в школу [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 168].

Невыход на работу из-за отсутствия одежды и обуви сильно усугублял и без того тяжелое материальное положение репрессированных калмыков. Предпринятые органами НКВД меры по максимальному использованию местных ресурсов, а также реализации распоряжения СНК СССР от 19 ноября 1944 г. о выдаче спецпоселенцам шерсти и хлопчатобумажной ткани несколько смягчили их положение, но не решили проблему по существу. Потребовалось выделение фондов одежды и обуви по линии заинтересованных главков, на предприятиях которых были задействованы калмыки, а также дополнительная помощь в централизованном порядке в овчинах и обуви для наиболее остро нуждающихся спецпоселенцев, трудоустроенных в колхозном секторе.

В результате принятых мер положение калмыков к концу Великой Отечественной войны стало постепенно улучшаться, хотя в отдельных районах и населенных пунктах все еще сохранялись многочисленные трудности в вопросах их обустройства, питания и трудоустройства. Стали быстрее осваивать средства, отпущеные на жилищное строительство. Так, на 1 октября 1944 г. из 2 897 000 рублей, отпущенных на эти цели кредитов, были израсходованы только 580 000 рублей. На 1 января 1945 г., несмотря на наступление затруднявших строительство зимних морозов, было использовано уже 1 523 000 рублей. Если на 1 октября 1944 г. из 5 818 семей калмыков, расселенных в Новосибирской области, только 11 % (682 семьи) имели более или менее пригодные к зиме жилища, то к концу февраля 1945 г. этот вопрос был практически решен. Выборочной проверкой на 10 февраля 1945 г. по 13 районам расселения репрессированных калмыков из 3 717 их семей только 119 нуждались в ремонте жилищ. Таким образом, 96 % калмыцких семей к концу войны стали проживать в помещениях, пригодных для жилья [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 11].

В Казахской ССР спецпоселенцам были выделены сотни вагонов строительных и горюче-смазочных материалов. В счет зерна, оставленного репрессированными калмыками на родине, впредь до нового урожая на протяжении четырех месяцев каждому из них ежедневно выдавалось по 140 грамм муки и 35 грамм крупы. С большими затруднениями и не полностью в отношении спецпоселенцев были выполнены правительственные постановления о выдаче им телок и овцематок, в порядке расчета с ними за оставленный по прежнему месту жительства скот [ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 115].

Работа спецкомендатур и местного аппарата НКВД сосредоточилась на жестком контроле за правильной и своевременной реализацией выделяемых государством на обеспечение репрессированных калмыков фондов. Еще одной важнейшей задачей была признана воспитательная работа среди спецпоселенцев, направленная на «преодоление их иждивенческих настроений», привлечение к самостоятельному хозяйственному обустройству. Особое внимание при

этом было уделено подготовке весенней посевной кампании, а также посадке индивидуальных огородов калмыками [ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 160. Л. 81].

Восприятие режима спецпоселений и отношений с местным населением

Все бывшие спецпереселенцы в своих воспоминаниях отмечают несправедливость постигшего их наказания: «Если и были среди калмыков предатели, то в чем провинились старики, женщины и дети? Ведь предателей в военные годы хватало и среди других народов. Но репрессиям подверглись немногие, в том числе калмыки» [Депортация в памяти 2014: 126]. И все же многие бывшие спецпоселенцы, несмотря на пережитые голод и нищету, с гордостью говорят о годах пребывания в ссылке: «Жизнь в ссылке нас закалила и учила быть выносливыми и терпеливыми. Мы перенесли стойко и голод, и холод» [Депортация в памяти 2014: 131].

Положительно оцениваются и отношения с населением, которые проделали определенную эволюцию: «Местные жители были запуганы, им сказали, что привезли людоедов и врагов народа. Со временем отношения менялись в лучшую сторону, у отца были друзья, которые бывали у нас и, чем могли, помогали. Но калмыки жили отдельными группами, по родственным связям» [Депортация в памяти 2014: 219]. Стремление жить вместе с близкими, соседями, земляками объясняется в первую очередь тем, что они проявляли взаимную помощь и поддержку в самых трудных ситуациях: «Жили тяжело, но калмыки держались вместе — всегда помогали друг другу. Однажды, помню, у одной бабушки заболел сын. Что за болезнь, мы даже не знали. На лекарства денег не было. И вот эта бабушка пришла к нам просить денег, и мать с плачем отдала последние деньги» [Депортация в памяти 2014: 215].

Наряду с этим, в памяти калмыков остались дискриминационные ограничения режима спецпоселений [ПМА: Джимбиев 2018; и др.], при этом злоупотребления нередко связываются с качествами отдельных лиц: «Коменданты у нас были очень строгие, могли издеваться над людьми» [Депортация в памяти 2014: 207]. Однако встречаются и противоположные мнения: «Командантом у нас был бывший фронтовик. Он никогда

не препятствовал поездкам, если на то были причины. В общем-то, был неплохим человеком» [Депортация в памяти 2014: 124].

Заключение

Историко-правовой анализ режима спецпоселения позволяет рассматривать его как осуществлявшееся в принудительном порядке перемещение калмыков в определенные местности под надзор органов внутренних дел и госбезопасности [Баев, Епифанов 2012: 45–47]. Принудительное переселение сопровождалось принятием дискриминационных мер в отношении спецпереселенцев, выразившихся в первую очередь в ограничении свободы передвижения и необходимости отмечаться в спецкомендатурах. В то же время в принятых нормативно-правовых актах, регламентировавших их статус, подчеркивается, что калмыки сохраняли остальные права граждан СССР.

Многие документы свидетельствуют о тяжелом социально-экономическом положении калмыков на новых местах пребывания, об объективных трудностях их адаптации к новым природным и социальным условиям, отсутствии необходимых условий жилья, нехватке питания и одежды и других проблемах, что вело к росту заболеваемости и повышенной смертности. Наряду с этим, немало документов отражают стремление органов власти улучшить положение спецпоселенцев, решить вопросы их снабжения и трудоустройства. Немаловажную роль в этом сыграли органы НКВД СССР, занимавшиеся в годы Великой Отечественной войны регулярным мониторингом выполнения постановлений и распоряжений СНК СССР, посвященных материально-бытовому и хозяйственному устройству калмыков по регионам их расселения.

Анализ воспоминаний подвергшихся принудительным выселениям калмыков позволяет считать, что они остро осознавали их несправедливость по отношению к народу в целом. В исторической памяти калмыков сохранились перенесенные материальные трудности и психологические переживания, пережитые голод и нищета, болезни и смерти близких. Они стали источником психологической травмы, последствия которой усугублялись длительным замалчиванием данных событий. Очевидно, что о действиях тех или иных государственных

органов, направленных на изменение их положения, спецпереселенцы судили не по принятым документам, а по степени реализации решений, которые далеко не всегда отличались эффективностью. В то же

время спецпереселенцы сохранили теплое отношение ко многим местным жителям, включая и представителей органов власти, которые оказывали им реальную помощь и поддержку в любой форме.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

Полевые материалы авторов

ПМА: Джимбиев 2018 — Интервью с Джимбиевым Андреем Манганыковичем, 1924 г. р. Элиста, Республика Калмыкия, 23 марта 2018 г. Продолжительность — 135 минут. Интервьюер Е. Ф. Кринко.
ПМА: Лиджи-Горяева 2018 — Интервью с Лиджи-Горяевой Софьей Эрдниевной, 1939 г. р. Элиста, Республика Калмыкия, 20 марта 2018 г. Продолжительность — 105 мин. Интервьюер Е. Ф. Кринко.

Литература

Баев 2006 — Баев Р. Р. Организационные и юридические основы переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма. 1943–1956 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2006. 278 с.
Баев, Епифанов 2012 — Баев Р. Р., Епифанов А. Е. История и регламентация переселения и специального поселения народов Калмыкии, Северного Кавказа и Крыма в 1943–1956 гг. Учеб. пособие. Владивосток; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. 377 с.
Белковец 2004 — Белковец Л. П. Административно-правовой режим спецпоселений // Российский юридический журнал. 2004. № 3. С. 134–139.
Бердинских 2005 — Бердинских В. А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
Бугай 1991 — Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 88 с.
Во глубине сибирских 2013 — Во глубине сибирских руд... Воспоминания и статьи (1943–1957) / ред.-сост.: Ю. О. Оглаев, Р. Г. Саряева. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 720 с.
Гунаев 2013 — Гунаев Е. А. Ценность правового государства и прав человека — конституционный императив при исследовании истории репрессий народов в СССР в 30–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований (Oriental Studies). 2013. № 6(3). С. 136–140.

Sources

State Archive of the Russian Federation.

Author's Field Data

Informant 1: Andrei M. Dzhimbiev, b. 1924. Rec. by E. Krinko on 23 March 2018, Elista (Republic of Kalmykia, Russia). (In Russ.)
Informant 2: Sophia E. Lidzhi-Goryaeva, b. 1939. Rec. by E. Krinko on 20 March 2018, Elista (Republic of Kalmykia, Russia). (In Russ.)

Гучинова 2005а — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь: Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 400–442.

Гучинова 2005б — Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть: Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem, 2005. 282 с.

Гучинова 2019 — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нараповой) // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 397–422. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422

Гучинова 2021 — Гучинова Э.-Б. М. НARRATIVЫ детей Сибири о депортации калмыков. Интервью с В. И. Бадмаевым и А. Н. Овшиновым // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 722–742. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742

Депортация в памяти 2014 — Депортация в памяти поколений: научно-популярное издание / отв. ред. С. Э. Лиджи-Горяева. Элиста: НПП «Джангар», 2014. 294 с.

Депортация народов 1992 — Депортация народов СССР (1930–1950 г.). Ч. 1. Документальные источники. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII / сост. О. Л. Милова. М.: ИЭА, 1992. 353 с.

Забвению не подлежит 2014 — Забвению не подлежит / сост. И. В. Лиджиева, К. Э. Манцева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 163 с.

Зберовская 2013 — Зберовская Е. Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы

- сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований (Oriental Studies). 2013. № 3. С. 46–51.
- Земсков 2003 — Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 304 с.
- Иосиф Сталин 1992 — Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесл.: Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / редкол.: К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова и др. Т. II. Элиста: Герел, 2009. 840 с.
- История сталинского 2004 — История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. 824 с.
- Калмыки 2019 — Калмыки. Депортация. Возвращение: к 75-летию депортации калмыцкого народа / отв. ред. С. Э. Лиджи-Горяева. Элиста: ИКИАТ, 2019. 511 с.
- Книга Памяти 1993 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Книга Памяти 2001 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. 2 / сост.: В. З. Атуева и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 237 с.
- Куканова, Очиров 2021 — Куканова В. В., Очиров У. Б. Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпо-
- селении в Сибири. Часть 1 // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Лиджиева 2013 — Лиджиева И. Правовой статус спецпереселенцев в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований (Oriental Studies). 2013. № 3. С. 34–39.
- Максимов 2020 — Максимов К. Н. Калмыки и Калмыкия в новейшей истории России. М.: Наука, 2020. 781 с.
- Мы — из высланных 2003 — Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.): сборник / сост. и ред. П. О. Годаев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 464 с.
- Очерки истории 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Полян 2001 — Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 315 с.
- Серазетдинов, Иванов 2007 — Серазетдинов Б. У., Иванов А. С. История повседневной жизни калмыков на Югорской земле в военное лихолетье 1941–1945 гг. Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. 208 с.
- Сталинские депортации 2005 — Сталинские депортации. 1928–1953 гг. / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД; Материк, 2005. 904 с.
- Убушаев В., Убушаев К. 2007 — Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2007. 496 с.
- Шевенова, Гучинова 2005 — Шевенова С. И., Гучинова Э.-Б. Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях. СПб.: Алетейя, 2005. 228 с.

References

- Atueva V. Z. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Kalmyk Deportation: How It Was. Collected documents and materials. Vol. 1. Book 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 237 s.
- Baev R. R. Ethnic Relocations and Resettlements from Kalmykia, the North Caucasus and Crimea, 1943–1956: Organizational and Legal Essentials Revisited. Cand. Sc. (law) thesis. Volgograd, 2006. 278 p. (In Russ.)
- Baev R. R., Epifanov A. E. Ethnic Relocations and Resettlements from Kalmykia, the North Caucasus and Crimea, 1943–1956: History and Legislative Implementation. Coursebook. Vladivostok; Volgograd: Volgograd State University, 2012. 377 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D., Bugay N. F., Burchinova L. S. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Kalmyk Deportation: How It Was. Collected documents and materials. Vol. 1. Book 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)
- Belkovets L. P. Administrative and legal status of special settlements. *Russian Juridical Journal*. 2004. No. 3. Pp. 134–139. (In Russ.)
- Berdinskikh V. A. Exiled Settlers: Political Deportations of Soviet Russia's Peoples. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2005. 768 p. (In Russ.)

- Bugay N. F. (comp.) Joseph Stalin — Lavrentiy Beria: ‘Be Those Deported’. Documents, Facts, Comments. Moscow: Druzhba Narodov, 1992. 288 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Operation Ulusy. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 88 p. (In Russ.)
- Chugaev D. A. (ed.) Kalmyk ASSR: Historical Essays. Vol. 2: Socialist Era. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Godaev P. O. (comp., ed.) We Are the Forever Deported: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957. Elista: Dzhangar, 2003. 464 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. ‘Children of Siberia’ and their narratives about the Kalmyk Deportation: Interviews with V. Badmaev and A. Ovshinnikov. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 722–742. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742
- Guchinova E.-B. M. ‘Everyone has one’s own Siberia’: Two stories of the Kalmyk Deportation (Interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova). *Oriental Studies*. 2019. No. 3. Pp. 397–422. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Guchinova E.-B. M. Be It Remembered Not Forgotten: Anthropology of Deportation Trauma among the Kalmyks. Stuttgart: Ibidem, 2005. 282 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. Everyone has his Siberia. Two stories of the Kalmyk Deportation. *Antropologicheskij Forum (Forum for Anthropology and Culture)*. 2005. No. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Value of a legal state and human rights – constitutional imperative in the study of the history of repression of peoples in the USSR in the 30–50s XX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 6(3). Pp. 136–140. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Ochirov U. B. The vanishing history of ‘thirteen years and thirteen days’: Problems of searching and preserving archival materials on repressed Kalmyks in Siberia. Part 1. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 744–763. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Lidzhieva I. The legal status of special settlers in the 40–50th of the XX century. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 3. Pp. 34–39. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V., Mantseva K. E. (comps.) Never Be It Forgotten. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 163 p. (In Russ.)
- Lidzhi-Goryaeva S. E. (ed.) Deportation in Memories of Generations. Elista: Dzhangar, 2014. 294 p. (In Russ.)
- Lidzhi-Goryaeva S. E. (ed.) Kalmyks. Deportation. Return: Commemorating the 75th Anniversary of Kalmyk Deportation. Elista: Institute for Comprehensive Studies of Arid Territories, 2019. 511 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks and Kalmykia in Contemporary Russian History. Moscow: Nauka, 2020. 781 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. II. Elista: Gerel, 2009. 840 p. (In Russ.)
- Milova O. L. (comp.) Deportation of Soviet Peoples, 1930s–1950s. Part 1: Documentary Sources. Series ‘Peoples and Cultures’. Vol. XII. Moscow: Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 1992. 353 p. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O., Saryanova R. G. (comps., eds.) ‘Deep in Siberian Mines’: Collected Memoirs and Articles, 1943–1957. Elista: Kalmyk State University, 2013. 720 p. (In Russ.)
- Pobol N. L., Polyan P. M. (comps.) Stalin’s Deportations, 1928–1953. Moscow: MFD; Materik, 2005. 904 p. (In Russ.)
- Polyan P. M. Out of Choice: History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Moscow: OGI, 2001. 315 p. (In Russ.)
- Serazetdinov B. U., Ivanov A. S. Kalmyks in Yugra Land during the Harsh War Years, 1941–1945: A History of Household Life. Surgut: Surgut State University, 2007. 208 p. (In Russ.)
- Shevenova S. I., Guchinova E.-B. The Heritage of Memory: Kalmyk Deportation in Schoolchildren’s Writings. St. Petersburg: Aletheia, 2005. 228 p. (In Russ.)
- Tsarevskaya-Dyakina T. V. (comp., ed.) History of Stalin’s GULAG, Late 1920s to Mid-1950s. Collected documents. In 7 vols. Vol. 5: Exiled Settlers in the USSR. Moscow: ROSSPEN, 2004. 824 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. Kalmyks: Deportation, Return, Revival, 1943–1959. Elista: Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)
- Zberovskaya E. Kalmyks forced settlers in Siberia: Problems of preservation of the ethnic identity in the Deportation’s conditions. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 3. Pp. 46–51. (In Russ.)
- Zemskov V. N. Exiled Settlers in the USSR, 1930–1960. Moscow: Nauka, 2003. 304 p. (In Russ.)

